

Журнал
художественной литературы,
критики и библиографии

Учредитель — Международное
сообщество писательских союзов

Москва

Издается с января 1973 г.

Главный редактор
Леонард Лавлинский

Редакционный совет

Лев Аннинский
Виктор Астафьев
Чингиз Гусейнов
Алексей Зверев
Игорь Золотусский
Валерий Золотухин
Александр Клышников
Арсений Ларионов
Геннадий Лисичкин
Алла Марченко
Владислав Муштаев
Тимофей Прокопов
Тимур Пулатов
Владимир Соколов
Александр Чудаков
Игорь Шайтанов

Редакция

Виталий Бенкин
(коммерческий директор)
Мария Васильева
Антон Нестеров
Михаил Одесский
Светлана Соложенкина
Леонид Теракопьян

Адрес редакции:

127254, Москва,
ул. Добролюбова, 9/11

Телефон: (095)219-92-63

Факс: (095) 218-03-98

Содержание

Из наследия А. Белого

А. Белый О религиозных переживаниях. Публ. А.В. Лаврова	4
А. Белый Основы моего мировоззрения. Публ. Л.А. Сугай	10
К.Л. Черкавская Белый в архиве Е.И. Шамурина	38
А. Белый Дневник месяца. Публ. С.М. Мисочник	41

Антропософия

М.Л. Спивак Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс.	44
Р. Штейнер У врат посвящения. Пер. А. Белого. Публ. С.В. Казачкова	69
Или к «Маскам» возможен иной подход? Из переписки Д.Е. Максимова и М.Н. Жемчужниковой. Публ. Н.И. Жемчужниковой	74

Воспоминания

П.Н. Зайцев Воспоминания об А. Белом. Публ. В.П. Абрамова	77
К. Эрберг Вольфила. Публ. В.Г. Белоуса	105
Н.А. Северцева-Габричевская Андрей Белый «террорист». Публ. Ф.О. Погодина, О.С. Северцевой	112
И.В. Гюнтер Коктебель... Дом Волошина... 1924год! Публ. Е.С. Федоровой	118
Воспоминания об А. Белом Из отдела фонодокументов МГУ. Публ. М.В. Радзишевской	121
П.Н. Зайцев А. Белый и «Никитинские субботники». Публ. В.П. Абрамова	125
Д.М. Фельдман Послесловие.	128

Творчество

О.Тилкес Православные реминисценции в Четвертой симфонии	135
А.Г. Бойчук «Святая плоть» земного в «Кубке метелей»	144
У. Комер «В виде холубине»	153
К.М. Поливанов Б. Пастернак и А. Белый	156

общества. Как я туда попала, я совершенно уже забыла. Я там была ни к селу ни к городу. Я сидела, конечно, и слушала. Ну, многое мне было совершенно непонятно, потому что он говорил на антропософские темы. Потом он стал говорить уже простые вещи: как он поедет, когда вернется... Не могу сказать, чтобы эти антропософы на меня произвели какое-то сильное впечатление.

... Ну вот. Потом до меня дошли слухи, что умер-то он не просто... Это я как слухи рассказываю, пусть будут слухи времени. Когда его разругал Каменев...

В.Дувакин. — Да, в предисловии... к книге «На рубеже столетий».

Е.Гальперина-Осмеркина. — И комментарии там... То он стал ходить по магазинам и скупать вот все эти самые книжки... И в Ленинград якобы он писал, чтобы скупил все, что есть, чтобы эта книга не показывалась на полках. Кроме того, он стал страшно курить. За это я не отвечаю, но так мне говорили, что, в общем, у него сердце не выдержало... и так он сгас, как говорят. Сгас.

... Ну, вот, что я Вам могу еще рассказать?

Вообще, конечно, внешность Андрея Белого была поразительной, поразительной.

В.Д. — А что в ней особенно поражало?

Е.Г.-О. — Во-первых, стремительность движений, во-вторых, вот эти непонятного цвета, совершенно непонятного сияния глаза, о которых я сказала. Сияли — в точном смысле слова. Ну, что еще?... Такая... не как термин просто я употребляю это слово, а по существу — необыкновенная интеллигентность, понимаете? Необыкновенная интеллигентность, которая не позволяла ему никакой вульгарности ни в чем: ни в движении, ни в словах — ни в чем. Все-таки, надо сказать, что ... я допускаю, что ему были знакомы какие-то сферы, которые нам не знакомы, кончая все-таки мистикой, благодаря антропософии.

В.Д. — Ну, а не производили вот эти сияющие глаза впечатление безумного, нет?

Е.Г.-О. — Ну, что Вы! На дураков, конечно. Конечно, на идиотов производили. А на людей... Это было сияние мудреца, понимаете, глаз мудреца. Я, когда его видела, я всегда вспоминала «Пророка» Лермонтова, например, или строчки из «Пророка» Пушкина. Вот я даже немножко, может, преувеличенно, но скажу: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...». Мне казалось, что это и есть восставший пророк Пушкина, который превратился в реальное существо и восстал, когда я его видела. А видела я его много раз.

*Публикация, вступительная статья
М.В.Радзишевской*

П.Н. Зайцев

Андрей Белый и «Никитинские субботники»

...«Никитинские субботники» приняли к изданию книгу А.Белого «Крещеный китаец», впервые напечатанную в «Записках мечтателя», в этом издательстве с 1926 по 1930 год были изданы также другие произведения А.Белого: сборник «Пепел», переработанный автором, роман «Петербург» в сокращенном издании.

Борис Николаевич в то время (1925) переехал в Кучино, подмосковную деревню по Курской дороге, и в Москве появлялся очень редко в некоторые субботние или выходные дни. Он попросил меня заняться его издательскими делами. В Кучине он за одно лето написал роман «Москва» («Московский чудак» и «Москва под ударом»), вышедший в издательстве «Круг». Роман разошелся очень быстро, но издательство «Круг» не могло издать его вторично. Второе издание романа было осуществлено «Никитинскими субботниками». В результате закрепившихся добрых отношений с Е.Никитиной, А.Белый стал бывать на вечерах в «Н.С.», но очень редко.

Весной 1927 года Вс.Мейерхольд поставил у себя в театре «Ревизора» Н.Гоголя. Постановка вызвала широкие отклики среди общественности Москвы. И тут возникла мысль, не помню, кому она принадлежала: об издании сборника статей и рецензий на эту постановку. Е.Никитина взялась за организацию этого сборника. Андрей Белый был восхищен постановкой и написал восторженную статью.

Сборник был собран очень быстро и вышел в свет летом 1927 года. Открывался он статьей В.Мейерхольда, в которой он пояснял, почему

именно у себя поставил эту гениальную комедию Н. Гоголя. В «Ревизоре» он увидел не уездный городок, до которого «три года скачи — не доскачешься», а всю николаевскую империю. Статьи А. Белого и Михаила Чехова давали высокую оценку работе В. Мейерхольда, были помещены моя статья и статья С. Лозовского. И хотя сборник по сути был апологией В. Мейерхольда, но как документ эпохи в истории советского театра он сохранит свою ценность.

Не без участия «Н.С.» обошлось появление в свет еще одной книги А. Белого — «Ритм как диалектика». Еще чуть ли не со времен «Мусагета» в творческом портфеле А. Белого лежала рукопись его исследования «Ритмический жест» о ритме русских поэтов. Он предложил Е. Никитиной издать это исследование в новом, переработанном виде. Издательство «Н.С.» заключило с ним договор, и Борис Николаевич засел за переработку, а по существу писал новую книгу. Зимой 1928 года А. Белый представил к печати новую работу в рукописи. Издательство полагало, что А. Белый напишет популярный учебник по стиховедению для начинающих поэтов и для школьников старших классов, а новая работа Бориса Николаевича была рассчитана на эрудированных специалистов. Через год книга «Ритм как диалектика» вышла в издательстве «Федерация».

Очень хотелось Е. Никитиной заполучить к себе А. Белого как докладчика на один из вечеров. Но он все время отказывался, говоря, что у него нет ничего нового. Тогда я уговорил Бориса Николаевича выступить в салоне Е. Никитиной с докладом о ритме стихосложения. Е. Никитина согласилась с этим, и, поскольку публичные выступления А. Белого стали уже редкостью, она поспешила оповестить всех, бывавших в ее салоне, об этом событии.

29 октября 1927 года состоялось выступление А. Белого в салоне «Никитинских субботников». Просторная комната-зал заранее стала заполняться членами «субботников» и гостями. Борис Николаевич явился точно в назначенный час. Зал был переполнен, но Е. Никитина задерживала начало, поджидая опоздавших. Пришедшие позднее стояли в проходе за отсутствием мест. Всем было интересно — ведь А. Белый сегодня читает свой доклад «О ритмическом жесте «Медного всадника» А. Пушкина!» В Москве ходила поговорка о публичных выступлениях А. Белого — «Он танцует от печки!» На этот раз ему действительно пришлось «танцевать от печки»: Е. Никитина предоставила ему маленькое место около печки, обогревавшей комнату.

Квартира набита до отказа, теснота страшная. На доклад А. Белого пришли не только все-

П.Н. Зайцев.

П.Н.

Рис. Л.В. Горнунг
Архив В.П. А.

гдашние посетители, но и те, кто здесь по- ся редко: П.Н. Сакулин, М.А. Цявлов, П.С. Коган, которые пришли с большим данием около 10 вечера, когда доклад уже- ся. Должно быть, обидевшись, что их не- тили и не усадили, П. Сакулин и П. Коган- ре ушли, чем очень огорчили Е. Никитину- редней остались стоять Сергей Городе- Юрий Верховский и А.С. Яковлев.

Конечно, докладчик, привыкший к бо- му пространству во время своих выступ- чувствовал себя несколько стесненно. А- Белый делает очень ясное вступление к- ду, голос его звучит как резкая, звонкая- катами труба. Борис Николаевич — оп- оратор, умеет владеть аудиторией. Масл- его чтения — голосовая жестикуляция, э- ляция и модуляция голоса, мастерство л- чтеца — все это слилось воедино.

Доклад длился часа полтора или два. По- ленького перерыва началось обсуждение. пали: В. Вересаев, Д. Благой, Валентина Д- Поэт А.Н. Чичерин (не путать с Ал.Вл. Чиче- назвал метод и теорию А. Белого, а заодно- символизм — отживающим явлением.

В числе прочих выступил профессор С.В. Шувалов, историк литературы, выступил крайне легковесно, поверхностно, все его выступление свелось к тому, что:

— Метод Бориса Николаевича в некотором роде «интересен и целен», но в общем все субъективно и импрессионистично!

Тут и началось. Еще во время выступления С.Шувалова А.Белый язвительно подал реплику:

— Ну, конечно, мистика!... Где Андрей Белый — там мистика!..

Едва С.Шувалов закончил свою речь, Борис Николаевич взвился и, струя голубые молнии и мечи в С.Шувалова, попросил у Е.Никитиной слова, а, получив его, со всей силой накопившейся ярости, обрушился на бедного профессора, в заключении выбросив по его адресу:

— Так говорить и думать могут только тупицы... Только тупицы могут так рассуждать!..

Миг всеобщего движения и — все замерли, замолчали.

С.Шувалов, бледный, помертвевший, поднялся со стула и, обратясь к Е.Никитиной, пролепетал тихим, дрожащим голосом, что после таких слов кто-то из них — Борис Николаевич либо он — должен оставить этот дом. До крайности смущенная всем происходящим, в полной растерянности, Е.Ф.Никитина что-то пролепетала в ответ.

Андрей Белый, весь тигровый, все еще в ярости, с глазами, мечущими молнии, подтвердил:

— Да, кто-то должен оставить это собрание...

Наступила короткая, но густая, насыщенная пауза. Все молчали смущенно, растерянно. Тягостное молчание длилось две-три минуты. С.Шувалов медленно вышел из-за стола и при общем молчании, с трудом пробиваясь сквозь тесно набитую людьми комнату, с трудом пошел к выходу из зала. Никто не поднялся, никто не сказал ни слова. А на собрании присутствовало около ста человек.

После ухода С.Шувалова атмосфера несколько разрядилась, все негромко заговорили. Борис Николаевич тут же подошел к Е.Никитиной и стал извиняться за неприятный инцидент. И ему, и всем присутствующим было ясно, что завтра вся литературная Москва будет смаковать это происшествие: «Бедный Шувалов».

Уходя с собрания, в маленькой, тесной и переполненной прихожей ко мне подошел Иван Никанорович Розанов и, прощаясь, растроганно жал мне руку, благодаря за чудесный вечер. Все это, как я понял, скорее относилось не ко мне, а к Борису Николаевичу.

На улице, когда мы вышли от Е.Никитиной,

А.Белый каялся в своей горячности, неожиданном взрыве и взвие, в самой форме высказываний по адресу С.Шувалова. Охлажденный ночным воздухом улицы, он признался в излишней горячности. Слово «тупица» вырвалось непроизвольно, нечаянно. А.Белого взорвала «серебряковщина» выступления С.Шувалова, а с профессорами типа профессора Серебрякова и пьесы А.Чехова «Дядя Ваня» у А.Белого были давние счеты. Борис Николаевич раскаивался только по поводу выскочившего резкого слова, считая, что по существу он прав.

— Ну, что же теперь делать, — растерянно обратился он ко мне. — И бедная Евдоксия Федоровна пострадала нечаянно...

К слову сказать, С.Шувалов был бескорыстным воздыхателем Е.Никитиной.

Подумав немного, Борис Николаевич сказал мне, что напишет С.Шувалову письмо с извинениями. Вот текст этого письма:

«Глубокоуважаемый Сергей Васильевич!

Позвольте Вам выразить то, что я уже высказал после Вашего ухода с моего несчастного доклада у Е.Ф.Никитиной, публично, а именно: позвольте мне передать Вам чувство глубочайшего прискорбия, более того, отчаяния по поводу несчастных, случайно сорвавшихся слов, не имеющих никакого отношения к моему действительному уважению к Вам, сорвавшиеся слова — показатель душевной депрессии и физического и умственного переутомления; это слова аффекта минуты, а не убеждения.

Дело в том, что, готовясь к докладу, я полагал силу его в честно вычисленной кривой, а не в моих домыслах; я «вычислял» строки «Медного всадника» десять дней и десять ночей без перерыва, это не легкая работа, это — труд ремесленника, и — гигантский, потому что точно анализировать отрывки текста в «25» строк уже труд; а прогнать сквозь ухо около 500 строк, точно их оценить и счислить — работа убийственная; кроме всего: я напутал в вычислениях и должен был распутать неточности к сроку; словом: работая часов по 15 в сутки без перерыва, я в 10 дней настолько расстроил свои нервы, что явился к докладу совершенно больной; этим и объясняется моя недопустимая эмоциональность, я первый пришел в ужас от своего поступка; и на другой день был у Е.Ф.Никитиной, чтобы еще раз ей объяснить мое поведение.

Тем с большей горячностью и искренностью я обращаюсь к Вам и приношу Вам мои сердечные извинения.

Знаю, что усталость и нервы — не оправдание; но — до некоторой степени — объяснение моего поведения.

Принося свои сердечные извинения Вам, я, тем не менее, глубоко не согласен с мотивами Ваших возражений мне: на математику не отвечают «взглядом и нечто», а — или не возражают, или — возражают по существу.

Существом возражения я считаю: фактическое опровержение правильности получения кривой, а не возражения на мои случайные «психологические» домыслы, построенные на попытке прочтения кривой, как истолковывающей текст; не в них ударный момент моего доклада; и, во-вторых: меня задело Ваше заявление, что с методом получения кривой Вы знакомы, тогда, как я не публиковал ни строчки на эту тему, а в «Символизме» речь шла совсем о другом: о материале для «счисления».

Но это детали, не относящиеся к сути прискорбного инцидента, в котором я виноват и в котором приношу Вам со всей горячностью мои извинения.

Остаюсь глубоко уважающий Вас Борис Бугаев (А. Белый)

*Москва, 29 октября 27 года.
Публикация В.П. Абрамова*

Послесловие

Свидетельство П.Н.Зайцева особенно интересно в аспекте изучения контактов Андрея Белого с писательским объединением и кооперативным издательством «Никитинские субботники». Потому целесообразно дополнить воспоминания очевидца и участника материалами архива «Никитинских субботников», а также личного архива Е.Ф.Никитиной, хранящимися ныне в Отделе рукописей Государственного Литературного музея Министерства культуры Российской Федерации.

Впервые «Никитинские субботники» официально регистрируются как объединение литераторов осенью 1921 года, а вскоре после этого регистрируется и одноименный издательский кооператив¹. Никитиной тогда тридцать лет, она выпускница Московских высших женских курсов, бывшая школьная учительница, преподает литературу на Пречистенских рабочих курсах и рабфаке МВТУ². В 1922 году Никитина, изначально занимавшая пост председателя объединения, избрана и председателем кооператива³.

Пять лет спустя «Никитинские субботники» — одна из наиболее известных издательских фирм, ежегодно выпускающая десятки книг, имеющая собственный магазин, склады и т.д.⁴ А председательница кооператива — профессор 2-го МГУ, где читает курс «Истории новейшей русской литературы» и ведет семинарские занятия⁵. Аналогичные курсы она читает и в других московских вузах, кроме того, возглавляет Литературно-исследовательскую ассоциа-

цию при Центральном доме работников просвещения, состоит в Обществе любителей русской словесности и т.п.⁶

К 1927 году в объединении, руководимом Никитиной, числится более ста писателей, критиков, лингвистов, на еженедельных заседаниях — «субботниках» — присутствовали и читали свои рукописи многие знаменитости⁷. При этом само объединение личие от одноименного издательского кооператива пребывает словно бы вне поля зрения историков литературы и журналистов-современников: авторы серьезных исследований о литературных группировках вообще не называют «Никитинские субботники» писательских союзов, весьма редки и упоминания в периодике⁸.

Не вдаваясь в рассмотрение всех причин, обставивших столь странную ситуацию, стоит выделить важнейшую: Зайцев не случайно именовав объединение «Салоном Е.Никитиной» — по сути «Никитинские субботники» и были салоном, чье существование зависело почти исключительно от стабильности издательства⁹. Как показывают приводимые никиитинские материалы, и Белый сотрудничал с «Никитинскими субботниками» в расчете, главным образом, на льготные условия для участников объединения. Сотрудничество, по мнению Зайцева, началось в 1926-1927 годах — «когда «Никитинские субботники» приняли к изданию книгу А.Белого «Крепкий китаец», впервые напечатанную в «Записках Метеля»¹⁰. В связи с этим можно отметить, что рукопись Белого — предисловие к переводам с Р.М.Рильке — заочно обсуждалась на «субботнике» гораздо раньше: 9 сентября 1922 года.¹¹ Предисловие и стихи опубликованы два года спустя в третьем номере издававшегося «Никитинскими субботниками» альманаха «Свисток»¹².

У конфликта, описанного Зайцевым, была своя история.

На «субботнике» 5 февраля 1927 года обсуждался доклад Белого «Ревизор» Гоголя и Мейерхольд хранитель, хоть и не полностью, расшифровку программы прений, приложенная к протоколу¹³ по расшифровке, стенографировал дилетант, ртаты его трудов участники дискуссии не видели, тому приводимый текст дает лишь самое общее представление о том, что говорилось после доклада.

Однако очевидно, что наиболее резким был тупление С.В.Шувалова. Ровесник Белого, он учился на историко-филологическом факультете Московского университета, куда поступил в 1910 году, но, в отличие от поэта, академической карьерой не пренебрег: через восемь лет стал приват-доцентом, затем и профессором, секретарем Общества любителей российской словесности, членом Императорской академии художественных наук и «Никитинских субботников» Шувалов в соавторстве с председателем подготовил и выпустил несколько книг¹⁴.

Выступая на «субботнике», он обращался и к Белому¹⁵: «Возражения, которые приходилось слышать в театре у Мейерхольда — «но ведь это ж Гоголь». И я как историк литературы, думаю, право после прекрасного доклада сказать: «Н

это же — Гоголь». Далее, однако, Шувалов доказывал, что мейерхольдовское прочтение «Ревизора» — грубое, непропорциональное искажение формы и смысла комедии, потому Белому не удалось и не удастся оправдать авангардистские эскерсисы режиссера. «Мне думается, — настаивал Шувалов, — утверждение нашей старой критики правильно, Б<орис>Н<иколаевич>. Надо теперь говорить о либеральной традиции, о том, что олиберализовали Гоголя». Гоголевская комедия, полагал Шувалов, «произведение реалистическое», а не символистское: «Нельзя говорить, что Гоголь тенденциозен в изображении русской жизни». Мейерхольд вовсе не помог зрителю понять «подлинного Гоголя», напротив, он шел ошибочным путем Д.С.Мережковского. А Гоголь, по словам Шувалова, с такого рода интерпретациями не согласился бы, поскольку «хотел, чтобы было потрясение, электрическое потрясение в этой последней сцене. Этого хотел, и потрясение это реалистично, обычное потрясение».

Не желая прослыть ретроградом, Шувалов признавал, что интерпретации классического текста современными режиссерами в принципе допустимы: «Я думаю, Мейерхольд, как всякий другой режиссер, имел право подать произведение и показать его в другой концепции, которую он считает лучшей. Ему должно быть предоставлено право исканий, только вопрос в следующем: когда режиссер ставит пьесу и искажает действительное подлинное лицо того писателя, которого он берет, имеет ли он на это право? На этот вопрос ответить крайне трудно». Но что касается именно Гоголя, то «нельзя согласиться с приемом, показанным Мейерхольдом: соединять разное в одно, воспользоваться другими произведениями, хотя и в очень маленькой дозе, преподнести совсем какое-то новое произведение, тогда, в сущности, трудно говорить о творце произведения, говорить о Гоголе. Я говорил свое личное мнение».

Сходной была и аргументация И.Н.Розанова. Он тоже закончил историко-филологический факультет Московского университета, правда, будучи на шесть лет старше Шувалова, стал приват-доцентом и профессором раньше. Двух профессоров связывала не только многолетняя дружба, Общество любителей русской словесности и ГАХН: оба они были, что называется, ветеранами «Никитинских субботников», входили в руководство этой организации, вместе с Никитиной определяли издательскую стратегию.

Розанов критиковал и концепцию Белого, и мейерхольдовскую трактовку «Ревизора», но при этом оставался вполне корректен: «Мне кажется, Б<орису> Н<иколаевичу> лучше было бы защищать Мейерхольда в другой плоскости. Это поставить вопрос, имеет ли право режиссер по своему толкованию изображать произведение. С.В. сказал, что, по его мнению, изменения писателя недопустимы. Я лично думаю, режиссер имеет право на это. С течением времени пьеса может терять значимость для современности, в таком случае режиссер, более чуткий, имеет право кое-что изменить, и так постоянно и делалось. Я, если бы стал защищать, так именно в этой плоскости, что режиссер имеет очень большое право. Режиссер такой же соучастник в создании этого сценического произведения, как и сам автор. Мне

кажется, что каждая эпоха имеет право на свое собственное понимание Гоголя, и нельзя навязывать такого толкования, которое должно считаться обязательным для всех. Я помню, когда в Москве открывали памятник Гоголю. Очень много было споров некоторые были в восторге, говорили, что, действительно, произведение, которое давало здесь воплощение их понимания всего Гоголя в его традиционной сущности, но большинству эта традиционная сущность мало говорит. Кроме того, как мне показалось из доклада, у меня такое впечатление, у меня получается 3 Гоголя: Гоголь Мейерхольда, Гоголь Андрея Белого, который не совпадает с Гоголем Мейерхольда, и совсем особо Гоголь, которого я помню по прежним работам А<ндрея> Б<елого>. Кроме того, есть у меня собственный Гоголь». А коль так, заключил Розанов, доклад Белого «необычайно ценен именно потому, что он принадлежит Б.Н., что он интересен, имеет значение именно в этом отношении: как Б.Н. смотрит на Гоголя. И ответ на вопрос очень сложный и очень серьезный для историка литературы».

Против концепции Белого выступил также С.М.Городецкий, некогда младший товарищ по символистским объединениям, пожалуй, даже соратник. Городецкий был постоянным участником ежесубботних заседаний, состоял в объединении, кооператив «Никитинские субботники» выпускал его книги¹⁶. Характерно, что в мемуарах Городецкий, описывая 1920-е годы, считал нужным подчеркнуть: «Средой, в которой я жил в это время, были «Никитинские субботники»¹⁷.

На февральском заседании он солидаризовался с лидерами объединения, но критиковал не столько Белого, сколько Мейерхольда, защищаемого Белым: «Писатель А<ндрей> Б<елый> является почтенным писателем, писателем, исполненным очень больших неожиданностей. Во всяком случае, всего этого очень много в его сегодняшнем докладе. И как ни неожиданности его неожиданности, все-таки в них можно уловить некоторые большие неожиданности. Именно неожиданности — для Андрея Белого. Это его аргумент защиты, под которую Андрей Белый берет Мейерхольда». По мнению Городецкого, в случае с Мейерхольдом проблема адекватности театральной постановки гоголевскому тексту просто не существует: «Я боюсь, что у нас сейчас на Мейерхольда нечто вроде моды, и я думаю, что эта мода на некоторое время заслонит традиционное представление о «Ревизоре». Боюсь говорить против постановки Мейерхольда, да и не приходится, хотя я решительным образом не согласен с этой трактовкой «Ревизора», которая дана у Мейерхольда. Мейерхольд так далеко ушел в своей трактовке от Гоголя, что говорить об искажении уже не остается места. Я не буду говорить, конечно, он имеет право на изменения. Возьмем Гуно, который написал Фауста. Но это же не Фауст Гете. Можно говорить, что Гоголь искажен, что это какой-то второй Гоголь. Можно ли говорить, что Чайковский искажил «Евгения Онегина»? Это же новое произведение, и мне кажется, тут совершенно не приходится об этом говорить».

Белый, надо полагать, был взволнован, говорил сумбурно, да и стенограмму, как уже отмечалось, не правил. Он отвечал всем оппонентам сразу: «По-

звольте несколько остановиться на последовательности, хотя по этому поводу я думаю лишь совершить некоторый аэропленный полет и, может быть, к концу ответа удастся суммировать нечто общее».

Прежде всего, Белый возражал всем, кто считал дилетантским его историко-литературное обоснование мейерхольдовской трактовки. Он настаивал: заслуга Мейерхольда в том, что наконец создан спектакль, воплотивший истинный замысел Гоголя. «Разве тот темный фон, которым Гоголь окружает Россию, неизвестную ему Россию, не есть обстание? — риторически вопрошал Белый. — В этом смысле Россия не та будет, а настоящее виделось в запуганности, в неоформленном обстании. Я понял в этом смысле, что он отображал путь России. Этот путь, который он хотел сделать с любовью. Но Гоголь внешним содержанием, может быть, и не мог быть понят так, а поэтому в этом обстании, в этом оформлении Гоголя есть попытка дать некоторое внешнее заострение как самая попытка развить душу, идею того художественного образа, который был бы показателем.

Чтобы и квартальный сам не мог обидеться — таковы были условия.

Именно на фоне этого гиперболизма и именно в этой мистической особенности его дать.

В этом смысле Мейерхольд дал фантастичность в постановке. Мейерхольд показал и реализм, а с моей точки зрения, натурализм. Вот такой натурализм имеется всегда в обстании образов, которые Мейерхольд выдвинул на первый план, и вот такое обстание показал».

Мейерхольдовская постановка, — утверждал Белый, — событие в истории отечественного театра, потому «вопрос о Мейерхольде есть вопрос, в последнем счете, чувства искания, в котором и театр новый будет организовываться». Если же, предостерегал Белый, критики не перестанут огульно охаивать нетрадиционные методы в искусстве «путем агитации, разгромления творческой работы Мейерхольда, то средний человек, не искушенный театральными приемами, что будет думать он? Вот у нас в деревне (Кучине) все говорят, что Мейерхольд так исказил Гоголя, что это преступление».

Похоже, Белый не надеялся убедить оппонентов: «Я не претендую, что я что-нибудь доказал, кого-нибудь убедил. Все указания я принимал с благодарностью».

Разногласия тогда не стали причиной ссоры, конфликт был предотвращен — благодаря такту и административному опыту Никитиной. Вне зависимости от научных пристрастий Шувалова или Розанова, председательница планировала длительное сотрудничество с Белым, чье участие в собраниях способствовало росту престижа «Никитинских субботников».

Кооператив уже готовил сборник «Гоголь и Мейерхольд», причем выпуск был необходим Никитиной по двум, как минимум, причинам. Во-первых, чисто коммерческий успех не вызывал сомнений, хотя бы в силу популярности Белого и Мейерхольда. Во-вторых, издание было объявлено «сборником Литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП», т.е. рассматривалось в качестве своеобразного отчета Никитиной о направлениях и результатах ее работы как ру-

ководителя пресловутой ассоциации. Сборник в ре выпустили, и открывался он статьей Белого писанной по материалам февральского доклада

Отношения с «Никитинскими субботниками» таились дружескими, и в марте кооператив выпустил три романа Белого. Продолжалась и его деловая переписка с Никитиной¹⁹.

«Кучино. 29 марта 27 года.

Глубокоуважаемая Евдокия Федоровна!

Позвольте выразить Вам и Издательству мою благодарность за прекрасно изданные книги мои «Московский Чудак», «Москва под ударом» и «Крещенный Клеп»: за последнего особенно благодарю; получил свой экземпляр; и не могу наглядеться на обложку; Вы и не ставьте себе не можете, как она мне говорит; и все — необыкновенно изящно; кто художник? Перечтите ему от меня благодарность; и «селечный хвост обложки я очень оценил»²⁰.

Приношу извинение за долгое молчание в ответ Вашу анкету; она меня поставила в серьезное положение²¹. Я — ужасный неряха по отношению к себе: когда не собирал отзывы о себе, не помнил их, не ретировал, в «бюро вырезок» не абонировался; по большинству рецензий о себе просто просмотрел; это по огромному количеству вырезок, которое, к сожалению, показывали в редакции «Весов»; бывало посмотрю и — забудешь сейчас же. Не только рецензий о себе помню, но и ряд статей о себе не читал; и особенно чего не читал о себе в период от 1912 до конца 1917 годов, потому что жил за границей и читал исключительно иностранные период. издания; все написано мне, проглядел. В бытность в Берлине от 21 до конца годов опять — таки: не следил за советской прессой; тому не знаю, что обо мне писалось. Но, желая в возможности Вам помочь, я с грехом пополам кое-что вспомнил; но тут сказала вся моя забывчивость очень помню события жизни и числа, но совершенно помню заглавий (книг, журналов и т.д.). Поэтому ли мой «Указатель» Вам будет полезен. Тем не менее его составил; не ругайте меня: его хаотический в максимум все же усилий припомнить. Может быть что почерпнете для себя и из него.

Кстати: в Ленинграде живет мой хороший зять и любитель моих книг, Дмитрий Михайлович; он давно почему-то составляет библиографический указатель мной написанного; и, кажется, об написанного²². Недавно я получил от Иванова-Рунника просьбу сообщить об этапах моего «творческого ввиду того, что какой-то Петерб. издатель согласился выпустить «Указатель» с предисловием Ива. Разумника²³. Может быть, Липнес мог бы Вам сообщить более подробно критическую литературу обо мне. у меня память слаба. Например: в Киеве был выпускавший толстые томы критики; мне было платили много места, но я не могу привести ни фамилию автора (Некто «Закржевский», не то «Закревский» то еще как-то), ни заглавия его писаний²⁴; как провинциальный автор прислал мне книжечку о «Петербурге» (формальные исследования), но — от таких: ни города, ни автора, ни заглавия не помню было в 1921 году). Жаль, что раньше Вы меня не читали: я бы мог снести с Липнесом и; кое-что у него. Адрес его таков: Дмитрий Михайлович Г. Ленинград. 4-ая Советская. 8.кв.11.

Перехожу к вопросу о биографии. И опять-таки: чувствую конфуз; биографии формальные, состоящие из дат, внешних событий и перечисляющих мои службы, передвижения и т.д., я давал несколько раз. И повторяются как-то скучно, да и бесцельно. В последний раз дал краткую, но точную биографию для сборников современных авторов (2 томика вышли еще в 24 году), составленных Лидиным; в первом томе есть моя биография, в которой лапидарно, но точно приведены формальные сведения²⁵. Вы, конечно, знаете это издание.

Биография, состоящая из дат, не интересна; трактат о литер. развитии, влияниях и т.д. есть, собственно говоря, глава из «Психологии творчества»: тема — необъятная для меня; в ней — соблазн распространиться ad infinitum²⁶. Биография внутренняя, интимная — опять-таки не биография, нужная для Вас. Есть еще биография: биография главных ударных моментов, определяющих искания; и, думается, — сведения в этом направлении Вас могут интересовать.

Автор, которого большинство из критиков не понимает и относит вовсе не туда, куда он чалит, может в этого рода биография, идеологической, дать сведения для коррективы. И потому-то я в биографии материале старался подчеркнуть всюду одну из линий моей жизни, постоянно затушевываемую: линию идеологических моих устремлений; еще в девятисотых годах эту линию смазывали тогдашние декаденты, вытягивая из меня эстетика; потом меня сажали в «мистику» всевозможных экстазов, безумий и т.д. Теперь же по-новому, в новом смысле, я сделан «мистиком»; и это недоразумение с «мистикой» происходит все потому, что я стою за «культуру духа»; если последняя, то — как же не мистик! Между тем, в разрезе идеологии я скорее «рационалист», чем «мистик» (разумеется, не рационалист в смысле голый рассудочности, а в смысле убеждения, что трезвая мысль граници не имеет; и все пронциает).

Как совмещается мой «символизм» с верою в силу «логического мышления», — об этом я и писал, и говорил, но — втуне; люди не имеют ушей непредвзято услышать человека. Если я признаю культуру духа, то — в постоюстороннем: в спичке, в атоме сидит эта культура, а не где-то «по ту сторону»; и еще удивлю Вас: я «имманентист», потому что 1) символист 2) антропософ.

Благотупости Троцких и профессоров, подобных Шувалову, бестактно и безграмотно трактующих символизм как нечто «постуюстороннее» — меня выводили из терпения: в 1907 году, в 1916, 1921 так же, как и в 1927²⁷. Читаешь курсы, пишешь книги, а «историк литературы», не считаясь ни с чем, гвоздит 25 лет про свое, про «постуюсторонность». Оговариваюсь: «постуюсторонность» не значит для меня «атеизм»; но — «духовная культура» для меня уже... хотя бы в атомной теории Бора, хотя бы в поправке к третьему закону Кеплера, хотя бы в характере движений электронов по орбитам.

Все это пишу, чтобы Вы поняли, почему я в биографии четко отвечаю: я, бывший естественник, никогда от естествознания не отказывался, и я, много занимающийся теорией знания, всегда высоко ценил логику. Действительно, публицистический мой лозунг был: «Критицизм и символизм», а не «мистицизм и символизм». Антропософия меня лишь утвердила в том; а о вреде мистики я писал, например, в «Трудах и днях» (статья «Против мистики» № 1 или 2 за 1912 год)²⁸.

Не смущайтесь моими биографическими сообщениями; и если в тексте что-нибудь Вам не понравится, бракуйте.

Что касается до списка написанного, то он очень не полон.

Еще должен принести извинения за почерк; спешил; я же уезжаю в Батум; спешно надо закончить ряд дел. В два вечера я написал уйму для Вас. Плохой почерк от искреннего желанья скорее Вам ответить.

Посылаю Вам несколько портретов; и очень бы просил их сохранить; все они существуют в единственном экземпляре; когда они будут не нужны, передайте их Петру Никаноровичу Зайцеву²⁹.

Глубокоуважаемая Евдоксия Федоровна, так хотелось бы лично с Вами встретиться; я все хотел попасть к Вам на субботник, или в Дом Просвещения, да весь март прихварывал, что-то истощились силы; еду лечиться солнцем, и поэтому откладываю наше свидание. Надеюсь с осени, если разрешите, быть частым посетителем Ваших суббот, насколько мне это позволит кучинская жизнь.

Остаюсь глубоко преданный Вам и уважающий Борис Бугаев».

Разумеется, «частым посетителем» Никитинского салона Белый так и не стал. Но через семь месяцев на «субботнике» обсуждался его доклад «О ритмическом жесте “Медного всадника”»³⁰. К протоколу этого заседания также приложена расшифровка стенограммы прений, качественно почти не отличающаяся от предыдущей³¹.

Открыл дискуссию С.М.Беляев, давний поклонник Белого, кстати, тоже естественник по образованию (медицинский факультет Юрьевского университета), ставший в 1920-е годы популярным писателем. Он поддержал докладчика: «То, что говорил Б.Н.; совпадает до некоторой степени с тем, что было высказано, правда, в области музыки — Танеевым, который работал в области контрапункта, — в его статье в одном из <номеров> «Музыкального современника»³². Танеев говорит о кривых нормальной и ненормальной мелодии, что раньше это являлось схематичным, эти выводы. На десять лет раньше он делал те же выводы о <музыкальной мелодии>.

Зато Шувалов был по-прежнему агрессивен: «Б.Н. довольно резко разрешает вопрос [схемы] ритма и его величайшее увлечение, которое мы здесь сегодня видели, для нас не является новостью».

С точки зрения Шувалова, все, сказанное докладчиком, было просто вне науки: «стопа, все-таки, есть стопа, и когда Б.Н. начал подводить свое основание, свой рисунок, может быть, это и правильно, но я не могу согласиться. Я лично считаю это несостоятельным, хотя бы на это учение, на эту теорию и было потрачено 10 лет.

Я должен сказать, что Пушкина по этому методу, я принципиально не могу принять — по Вашему — мистически. Может быть, мистики тут нет, но все могут подтвердить это впечатление».

Стиховедческое обоснование, равным образом, постановку проблемы о подсознании Шувалов счел неуместными: «Теперь еще некоторый вопрос, который, по-моему, имеет значение. Известно, что на самом деле, строфы имеют то значение, которое им придается, так что прием Б.Н. и то влияние на часть

ее — это вызывает некоторое сомнение. По системе Б.Н. такое произведение реалистического писателя открывает ритмическое произведение и разрывает его на строфы, создавая источник споров, а также мистику в реалистической области. Выходит, как бы две линии, на которые разорвана строфа, но, может быть, Б.Н. объяснит, и я постараюсь себе уяснить. Мне кажется, имеет значение не мистическое разделение строфы, а что-то другое, и таким путем подходить не приходится.

Что касается отдельных моментов доклада, то мне хочется подчеркнуть, что доклад имеет значение».

Судя по стенограмме, Белый тут же возразил и Беляеву, отстаивая свой приоритет, и, конечно, Шувалову:

«Я принужден сказать, что понятие строфы не исключается, это есть понятие какое-то объединенное, целостное, а разделение не случайное и не мистическое. Но когда мешают понятия, производят капризные обобщения, а нам говорят: «это случай»... Нет, это суммарность, это ценно, и по приказу я не могу признать за строфой ее формального значения. Это вопрос, который имеет формальное значение. Это вопрос больной, и не три часа потребуется для того, чтобы осознать то формальное признание Пушкина. Я не знал об их знаниях, я никогда ничего об этом не говорил. Я первый раз здесь говорю об этом, о кривых. И вот, когда один человек работал 15 лет, один профессор после трехчасового доклада утверждает, можно сказать, что сводится исключительно к ускорению. Неужели он не знает, что у Пушкина 75% написано именно так. С другой стороны, от Вас же слышу некоторое значение, некоторое признание, а затем всему придаю «мистическое объяснение»».

Я говорю, что здесь нет мистики. Говорите прямо.

Мне не нужно таких фраз: некоторое значение, известное признание. Мне нужен ответ на определенное начало. А мой ответ — вот эти 10 лет, 15, вот ответ. Может быть, нужно еще, но я уверен, что нашел правильно, я шел шаг за шагом, и мне все говорит об этом. Я считаю возможным кривую строчки».

Инцидент, описанный Зайцевым, ни в протоколе, ни в стенограмме не отражен. Однако нет оснований сомневаться в стремлении мемуариста к достоверности. Не исключено, что ссора Белого и Шувалова началась после выступления теоретика конструктивизма А.Н.Чичерина. В полемике он был дерзок, азартен, к чему на «субботниках» привыкли, зато Белый успел отвыкнуть от подобного рода эпатажирующих приемов. Возможно, Шувалов одобрил выводы Чичерина, а Белый, видя главного противника именно в профессоре, не пожелал сдерживаться. Впрочем, это — лишь гипотеза: выступление Чичерина, упомянутое в протоколе, стенограммой не фиксировано³¹.

После ответа Белого Шувалову — судя по стенограмме — высказались Д.Д.Благой и В.В.Вересаев.

Благой, тогда еще не ставший авторитетным пушкинистом, но уже довольно известный в академических кругах, солидаризовался с Белым: «Признаюсь, меня поражают слышанные здесь фразы. Я нашел доклад основательным, прием научным. Подход крайне своеобразен. И это своеобразие необходимо учитывать, иначе понять будет затруднительно. Таково было мое чувство, таково было начало воспри-

ятия всего впечатления. Это было мое чувство. И Б.Н. здесь изумительно показал, и все изумительно было подкреплено построениями и рисунками. Что было здесь сказано, является не только новым и имеет огромное значение. Очевидно, это та ритмические преобразования. И странно, что прежде встречали в большей или меньшей степени со сном, но теперь это потрясает. То, что показал Б. изумительно. Это целая система, и были минуты сто философских построений».

В защиту концепции Белого выступил и В.В.Вересаев, оспоривший выводы Шувалова и как филолог как медик: «Я не согласен с С.В. по поводу подсознательности. Все то, что говорил Б.Н., вполне доказательно и ценно. Перспективы личности велики. Трагедия сознательности не в том, чтобы делать значительные надстройки, и мысль, которая высказана, особенно важна в отношении Пушкина, потому что у него тут не все всего выявить и не только подсознательное. Понимание чем больше читаешь, тем он непонятнее, тем более противоположностей. И все чаще создается впечатление, что он писал для себя, а не для других. Но, конечно, очень важно знать, как он сам это понимал, как мы это понимаем. И вот то, что наметил Б.Н., является делом огромной важности. Например, в «Мне всаднике» очень важно, как Пушкин определяет Петербург», и прежде всего, «это очень важно в отношении личности поэта, потому что таким путем вскрываются те затаенные настроения, которые он считал нужным скрывать. Но что касается мистики, как это говорили, и что эти данные могут быть доказаны мистическим путем, но тут никаких мистических надежек нет». И метод Белого «сулит огромные завоевания».

Последним в прениях выступил докладчик должен сказать, что непростительно погорячи. возражая проф. Шувалову. Но проф. Шувалов идет из той точки зрения, что была высказана в классическом произведении «символизм», и хочет объективно искать мистики».

Белый не просто досадует, он явно оскорблен сдвигами Шувалова: «С.В. сказал: «Не является востюк». Но где он читал, хотел бы я знать, когда выпускал ни одной книги 10 лет? К этому имелись разные условия, не было издателя, не имел других возможностей, вообще, не знаю, где проф. Шувалов это читал, чтобы высказаться таким образом.

Я не хотел кого-то удивить, но всеотрицающе говорить нельзя.

Об этом много сказано объективно и ничего добного в «Символизме» нет. И таким путем можно говорить очень долго, но все же это о Фоме и Ермолаеве. Это очень показательно, когда бы не было плача

Вы, может быть, правы, но все же нужно со стороны ощущать.

Что касается до того, что, например, «возник вопрос, «может ли кривая быть показательна для личности», «может ли» кривая показывать ее, то нужно принять это на 17 строках показательности это я мог бы развивать в кружке часами». Если ладчику не хватало времени, это не значит, что вы оппоненты. Ну а в ссоре с Шуваловым, заключил Белый, он себя виновным не считает: «Пусть С.В. утверждает свое, а кто из нас прав и кто должен выйти, пусть скажет третейский суд, перед кото-

я готов предстать и держать ответ. Может быть, я допустил целый ряд ошибок, я делал доклад, чтобы слышать критику, и далеко то время формального признания, но, может быть, это именно завоевание, а также и заблуждение, но сейчас имеется в виду показательность ритмической линии в определении ритма. Это настоятельно нужно доказать, нужно, значит, так доказать, чтобы понято было не только символизмом. Что это так, видим из целого ряда трудов, которые написаны в этой области. Как это говорить, проблемы ритма, а не только определения.

Но когда меня не понимают, бросают упреки, не хотят согласиться только потому, что когда-то было написано юношей произведение «Символизм», тогда лучше я еще 15 лет просижу дома и никуда не покажу того, что написано, чем буду слушать подобное тому, что было сказано Чичериным.

Навязывать своих мыслей никому не желаю.

Прежде чем я пойду на диспут с тов. Чичериным, я должен убедиться в компетентности тех лиц, которых я призовею».

Без третьей стороны обошлись, хотя окончательно примирения тоже не было: в автобиографическом очерке, датированном 7 апреля 1928 года, Белый высмеивал «десятки транскрипций символизма в бездарных и тупых книгах о них всевозможных Шуваловых» и грозил, что в будущем псевдоакадемические фальсификации непременно будут разоблачены³⁴.

Шувалов с единомышленниками тоже не забыли обиду, да и Никитина — по соображениям конъюнктурным — не спешила издавать стиховедческую монографию. Об этом свидетельствует и письмо Белого:

«Кучино. 18 апреля 1928 года»³⁵.

Многоуважаемая и дорогая Евдоксия Федоровна!

Все это время я был мысленно с Вами. Ужасно неприятно разгорелся в Вас грипп. Позвольте Вам пожелать отдыха и оздоровления. Пишу эти строки, потому что не уверен, что мы встретимся до моего отъезда. У меня все эти месяцы мозговая работа и ряд мелких недомоганий (одно за другим) выкачивали силы; и теперь чувствую себя едва на ногах; надо скорее убираться под солнышко, чтобы отдохнуть; еду в Армению, где надо быть в мае (в июне уже жара); и потому — в предотъездных спехах.

Дорогая Евдоксия Федоровна, — уезжая, обращаюсь к Вам, как человек к человеку — с большой просьбой.

Неизвестно, сколько проживешь; я чувствую угасание; хочется подвести жизненный итог, в этом итоге видишь так много дефектного. Я не держусь за ряд своих художественных книг; но я держусь за некоторые вещи, которые считаю открытиями. Для Гете позвоночная теория черепа была важнее его лирики; представьте себе, что он был бы в руках издательств, не желающих позвоночную теорию печатать. История зоологии приняла бы другое русло.

У каждого человека есть своя «позвоночная теория». Есть и у меня: я считаю, что научно вскрыл принцип ритма; принцип есть то, в чем дедукция и индукция пересекается: он и априори, и апостериори.

Мое исследование о ритме как жестикуляционной кривой вскрывает принцип; пусть я Жоффруа Сент-Илера, пред-предтеча Дарвина от стиховедения³⁶, я —

не Кювье, не номенклатурист³⁷; а все стиховедение в данном моменте — биология, взятая до Сент-Илера Гете (не говоря о Дарвине). Роберта Майера за открытие принципа энергии едва не уперли в сумасшедший дом³⁸; меня допекает судьба тем, что 12 лет никто не желает печатать о ритмическом жесте в то время, когда из рога изобилия книга за книгой сыплется номенклатурная стиховедческая дребедень. За что? За то, что я сформулировал принципы ритма?

12 лет назад была готова работа о ритмическом жесте; начались трудности; книга пролежала года; пытались и набирать, но трудность набора не позволила в 1921 году выйти в свет книге. В 27-м году по Вашей просьбе изложил реферат о «Медном всаднике» сел его записал. Разве можно его дать вне экспозиции метода, над которым работал 15 лет? Вышла книга, которую хотел бы видеть перед смертью; в ней — оправдание моего писательского бытия, ответ критикам, 18 лет не понимающим начала моей работы, заложенной в «Символизме»; в ней — важный принцип ритма, закладывающий научный трансформизм там, где все еще номенклатурная схоластика от... Аристея.

Но судьба подстерегает меня; и уже знак судьбы книгу мою Ваше издательство отложило до осени; с осени — согласен; но не согласен на долгий ящик лет.

Знаете рассказ Гоголя «Заколдованное место»? В ландшафте жизни моей есть такие места: «Каждый раз на том же месте». И закону «каждинного раз» подчинены те мои произведения, которые я особенно люблю. Описание Египта, которое люблю, с 1911 года гуляет по редакциям; это — второй том «Путевых заметок». Их набирал «Мусaget», «Сирин», «Московский Издательство Писателей», «Геликон»; но как дело доходило до Египта, что-то случалось (со мной, или с издательством); и рукопись возвращалась мне; в 1923 году мне вернулся уже набор 2-го тома «Пут. заметок»: «Геликон» — лопнул.

Иная, но сходная судьба преследует меня в усилиях увидеть (так!) — Д. Ф.) свет исследование о ритме; сели верхом на «Символизм», обокрали, 16 лет жевали 2-3 неудачных выражения из «Символизма»; автор, породивший на свет иных профессоров от стиховедения, 16 лет сидит с заклепанным ртом, укрепляя молчанием легенду о своих стиховедческих взглядах; более того: 12 лет автор, напав на открытия, открывающие новую фазу в подходе к стиху, не может поведать о своем открытии: «каждинный раз» — начинаются технические трудности того или иного издательства.

Дорогая Евдоксия Федоровна, я не ропщу на то, что моя книга «Ритм, как проблема и «Медный всадник Пушкина» отложена в Вашем издательстве. Но в опыте судьбы этой точно кем-то преследуемой идеи — открытия (научного), приподымающего огромные вопросы о творчестве, — я боюсь, это отложение до осени лишь новая фаза моих творческих мытарств. Быть откраденным в «Символизме», оплеванным и, имея что ответить (ответить — «научным открытием»), сидеть с ним замурованным в 4-х стенах. Почему меня не взяли у Вас на реферате? Да потому, что 16 лет дура изложимых минимум в 9 печ. листах сданной Вам книги, я изложил в 2 часа: есть отчего поперхнуться; конопозычие мое — от полноты, а не от нечеткости изложения.

Дайте высказаться! Обещайте, что Вы приложите все усилия, чтобы книга о ритме вышла; я за нее цепляюсь более, чем за галерею своих книг. Речь ведь идет о том, что писатель, скорей отходящий от жизни, перед смертью хотел бы сказать «Dixi» («Сказал, перед считал нужным. Теперь могу умереть спокойно») ³⁹.

Вот моя просьба по человечеству: в веренице лет я изотчаялся в надежде на то, что всем нужное открытие могло бы выйти в свет. И как назло: в эти года сыпалась стиховедческая чепуха, а открытие, точно по злему уговору, отклонялось. Прощаясь до осени с Вами я [идейно] отдаю Вам мое детище в надежде, что Вы будете ради меня толкать к печати книгу о жесте ритма вопреки могущим появиться осложнениям, которых я ожидаю, ибо... — «кажинный раз» — закон этой идеи «кажинный раз» что-то прячет ее в долгий ящик 12 лет!

Простите за лирику. Сердечно жму руку: дай Бог Ва<м> сил, здоровья, отдыха и — до осени!

Остаюсь искренне уважающий и сердечно преданный Борис Бугаев».

23 апреля 1928 года Никитина ответила письмом, обещая взять книгу Белого «под свою защиту», и уверяла: «она наверняка выйдет осенью». Вот только доходов от книги не будет ни у автора, ни у издательства, по крайней мере — от первого тиража. По словам Никитиной, это ничего не меняло — книга все равно должна выйти: «Издавать ее будем в сентябре, когда я вернусь из отпуска» ⁴⁰.

Осенью появились новые осложнения, и в итоге Белый передал рукопись издательству «Федерация» ⁴¹. Которое, как известно, опубликовало ее ⁴². А «Никитинскими субботниками» в 1929-1931 годах были изданы две стиховедческие монографии не столь строптивых авторов ⁴³. Однако Никитина сумела вновь сгладить конфликт, Белый продолжал сотрудничать с объединением — до ликвидации издательства в 1931 году ⁴⁴.

Д. М. Фельдман

Примечания

¹ См., напр.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 51. Л. 5; д. 54. Л. 7-9; д. 405. Л. 1.

² Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 16. Л. 1-4; д. 961. Л. 1.

³ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

⁴ См., напр.: Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия: 1917-1927 гг. Т. 1. М., 1928. С. 15.

⁵ См., напр.: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 970. Л. 1-8.

⁶ Там же. Д. 971-972.

⁷ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 441. Л. 1-2, 7-10.

⁸ Практически все они так или иначе инспирированы самой Никитиной. См., напр.: Вечерняя Москва. 1924 № 270, 275, 279, 281; Книгоноша. 1926 № 20. С. 37; № 21. С. 43.

⁹ См.: Фельдман Д. Салон-предприятие: К истории «Никитинских субботников» // Общественные науки. 1989. № 5. С. 185-202.

¹⁰ Вероятно, речь идет о публикации в альманахе: Белый А. Преступление Котика Летаева // Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 21-165.

¹¹ См., напр.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

¹² Этот сборник был выпущен совместно с издательством «Земля и фабрика»: в 1923-1924 годах кооперативу «Никитинские субботники» не удавалось вовремя заключить договоры с типографиями.

¹³ ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 234. Л. 1-10.

¹⁴ Напр., кроме совместной монографии «Поэтическое искусство Блока», выпущенной «Никитинскими субботника-

ми» в 1926 г., кооперативом с 1927 по 1931 г. издавалась трехтомная серия «Беллетристы-современники».

¹⁵ См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 3-10. Здесь и далее орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

¹⁶ См., напр.: Городецкий С. М. Московские рассказы М., 1927; Он же. Грань: Лирика (1918-1928). М., 1929.

¹⁷ Городецкий С. М. Жизнь неукротимая. М., 1984. С. 17.

¹⁸ Белый А. Гоголь и Мейерхольд // Гоголь и Мейерхольд. Сборник Литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП/Под ред. Е. Ф. Никитиной. М., 1927. С. 9-38.

¹⁹ См.: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 133. Л. 1-6.

²⁰ Вероятно, художник — Н. Н. Вышеславцев.

²¹ Имеется в виду автобиография, которая должна была быть в задуманной Никитиной, но так и неизданный «Словесных писателей».

²² О Д. М. Пинесе — см. с. 107 наст. изд.

²³ См.: Лавров А. В., Максимов Д. Е. Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 708.

²⁴ Речь идет об известном критике и прозаике А. К. Захарском (1886-1916).

²⁵ См.: Писатели / Под ред. В. Г. Лидина. М., 1924.

²⁶ Букв. — до бесконечности (с лат.).

²⁷ См., напр.: Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., С. 49-54.

²⁸ Вероятно, имеется в виду статья «Нечто о мистике», вошедшая в номер за 1912 г. журнала «Труды и дни», выпускавшегося издательством «Мусагет».

²⁹ См.: А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публ. и прил. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 30.

³⁰ См.: Гаспаров М. Л. Белый-стиховед и Белый-стиховед // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 444.

³¹ См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 253. Л. 4-7.

³² Энгельт Ю. Сергей Иванович Танеев как учитель // Мемуары современного. 1916. № 8. С. 54. См. также: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-2.

³³ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-4. Ср.: Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка... С. 270.

³⁴ См.: Белый А. Почему я стал символюстом и почему не остался им быть во всех фазах моего идейного развития // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 44.

³⁵ ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 133. Л. 7-10.

³⁶ Имеется в виду французский натуралист Э. Жоффруа Сент-Илер (1772-1844), открывший принцип постоянства в положении частей тела у позвоночных вне зависимости формы и функции.

³⁷ Имеется в виду французский натуралист Ж. Кювье (1769-1849) основатель палеонтологии, сторонник теории неизменных видов, которую критиковал Э. Жоффруа Сент-Илер.

³⁸ Вероятно, речь идет о немецком естествоиспытателе Л. Майере (1814-1878). В связи с нервным расстройством Майер лечился в психиатрической клинике, и, по мнению современников, одной из причин болезни была резкая критика его работ по термодинамике, получивших признание задолго до смерти автора.

³⁹ Имеется в виду популярный афоризм: «Dixi et anima salvavi» (лат.) — «Я сказал и тем облегчил мою душу». Вероятно, предпологает, что Никитиной знаком источник «Если же ты остерегался беззаконника от пути его, чтобы он не обратился от него, но он от пути своего не обратился, ты умираешь за грех свой, а ты спас душу свою» (Иез. 33, 9).

⁴⁰ Письмо опубликовано Дж. Мальмстадом. См.: Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка... С. 297.

⁴¹ Там же.

⁴² Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник»: следование. М., 1929.

⁴³ Артюшков А. В. Основы стиховедения. М., 1929; Альви Введение в стиховедение. М. 1931.

⁴⁴ См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 434. Л. 16.